

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. НЕМНОГО О СЕБЕ И ЛИЧНОМ ОПЫТЕ	5
Учеба в МГИМО. «Восточники» и «западники»	6
Перебор с идеологией	7
Чему не учили	9
Чему и кого нужно учить	10
О востоковедах	15
Дипломатическое искусство	20
Кадры по партнабору в МИД СССР	23
Как поставить на место иностранного наглеца	25
Ночью хочется звон свой... ..	30
 Глава 2. РАЗНЫЕ СЛУЧАИ ИЗ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ	 36
Индия	36
Индия и Россия	36
Работа в посольстве	39
Встреча на индийской дороге	49
«Святые» девятиностые в Бомбее	52
Как важно знать иностранные языки	57
Немцы считают деньги	60
Много шума из ничего	62
 Мьянма	 64
Военный режим в Мьянме	64
Дипломатическая жизнь в Янгоне	69
Дипкорпус не всегда един	73
Как непросто стать генералом в Штатах	75
Не дудеть в американскую дуду	75
Свой своя не познаша	78
До Мала Вей	81
О том, что едят и пьют в Мьянме	83
 Глава 3. КОРЕЯ И КОРЕЙЦЫ	 86
За надолбами 38-й параллели	86
Внуки небесного царя, дети медведицы	88

Первое личное общение с южнокорейцем	91
Всяк сверчок знай свой шесток	92
Корейская жена — «человек дома»	96
Импортные невесты	100
Ханбок, ханок и ондоль	102
Южнокорейцы — люди конкретные	105
«Не голодны ли Вы?»	107
«Атомный ёрш»	112
Доброжелательность в общении	114
Красные кресты в ночной темноте Сеула	117
Южнокорейская гордость	122
Экзаменационный ад	126
«Корейская волна»	127
Красота любимы средствами	131
Андре Ким — творец высокой моды	132
В Южной Корее нет рэкета	133
Кто был ничем, тот станет всем	136
«Корейское экономическое чудо» и его творцы	139
О водке и налогах	145
Справедливость по-корейски	147
Сильное и влиятельное гражданское общество	152
Жизнь дипломатического корпуса в Сеуле	155
Глава 4. РОССИЯ И ЮЖНАЯ КОРЕЯ	161
Россия в представлении южнокорейцев	161
Наведение мостов между Москвой и Сеулом	167
Кто были Сталин, Хрущёв и Брежнев?	171
Россияне в Южной Корее	173
Делегации, делегации... ..	178
Приемы в посольстве России	185
Неожиданные встречи	188
Глава 5. НЕЗАЖИВАЮЩАЯ РАНА КОРЕИ	190
Две Кореи: путь порознь	190
Воссоединение Кореи по-сеульски	191
Новые реалии в Корее	194
Из «карлика с ракетой» в «великие лидеры»	196
Как относятся к «корейским делам» соседи двух Корей	197
Глава 6. ОБЩАЯ ЗАДАЧА	200
Глава 7. ЧТО ЖЕ БУДЕТ С РОДИНОЙ И С НАМИ	203

Посвящается Ирине Юрьевне Ивашенцовой

Глава 1

НЕМНОГО О СЕБЕ И ЛИЧНОМ ОПЫТЕ

Моя жизнь связана с дипломатической службой более шести десятилетий — с тех пор, как летом 1962 года я стал студентом Московского государственного института международных отношений МИД СССР. Думаю, поэтому имею право высказать свое мнение об этой службе, о том, как она работает, как готовит свои кадры и как ими распоряжается.

Моя семья никакого отношения к дипломатии не имела. Мужчины рода Ивашенцовых, вышедшего из вологодских и костромских земель в XVI веке, служили обычно по военной линии. Есть документальные свидетельства того, что мои давние предки участвовали в Семилетней войне 1756—1763 годов, в Отечественной войне 1812 года, в Крымской войне 1854—1855 годов, в Русско-японской войне 1904—1905 годов и во многих других войнах, оставивших свой след в истории России.

Во второй половине XIX века они сменили военный мундир на гражданскую одежду, хотя традиционная любовь к оружию в семье еще продолжительное время сохранялась. Имя моего прадеда А. П. Ивашенцова упомянуто в изданной лет двадцать назад книге «Сто великих русских охотников». Он разработал несколько моделей охотничьих ружей, которые производились на Тульском и Ижевском заводах вплоть до конца 1930-х годов, а его книги об охоте и охотничьем оружии до сих пор переиздаются и пользуются хорошим спросом. Мой дед Г. А. Ивашенцов был врачом, а отец А. Г. Ивашенцов — геологом. Каждый из них на своем поприще многое сделал для Родины.

Я с детства с удовольствием учил иностранные языки: немецкий — в школе и английский — с частным преподавателем: бабушка — мать отца, которая говорила по-немецки, по-французски и по-английски, считала, что владение иностранным языком — признак каждого культурного человека независимо от его профессии. Родители-геологи, конечно, хотели, чтобы я пошел по их стопам. Меня с детства брали в геологические экспедиции, а после девятого класса отправили работать в экспедицию уже в самостоятельном качестве. Но я пошел поступать в МГИМО и поступил сразу — без какой-либо поддержки извне или изнутри. Скажу, что моя мать поинтересовалась, где расположен этот институт, только после того, как я в него поступил, — она хотела лично увидеть мое имя в вывешенных при входе списках принятых.

Учеба в МГИМО. «Восточники» и «западники»

Нас в МГИМО учили хорошо. Учили опытные и знающие преподаватели, которых я с почтением вспоминаю до сих пор. Меня определили в языковую группу хинди, и я был этому искренне рад. Индия была тогда крайне популярна в нашей стране, а меня лично очень привлекал образ Джавахарлала Неру, который внешне во многом напоминал моего деда-врача.

Восток поэтому определил мою дальнейшую работу и круг профессионального общения, о чем я, откровенно говоря, никогда не жалел. С одной стороны, среди ребят, учившихся в МГИМО на востоковедческих специальностях, практически не было «позвоночных», то есть поступивших в институт по протекции, «по звонку». Последние, а их было в целом немного, гораздо меньше, чем шла об этом молва, обретались в группах со специализацией на дальнейшую службу на Западе.

Никого не хочу обидеть, но, на мой взгляд, «восточники» и в институте, и на дальнейшей службе в МИД как лич-

ности в большинстве своем были интереснее, чем «западники». Когда команда МГИМО в шестидесятые годы не очень удачно выступила в необычайно популярных тогда соревнованиях КВН — Клуба веселых и находчивых, ходила шутка, что это закономерно, единую хорошую команду никогда в нашем институте не собрать: веселые учатся на «Востоке», а находчивые — на «Западе».

Изучение восточных языков воспитывает в человеке усидчивость и терпение — ведь такой язык требует ежедневно не менее трех часов занятий. Необычайно расширяется кругозор человека, ведь вместе с языком ты знакомишься с совершенно новой цивилизацией — индийской, китайской, арабской, иранской, чего не происходит, когда ты изучаешь, скажем, лишь английский или французский язык. Да, кстати, тем, кто изучал восточный язык, было обязательно изучать при этом и один западный. Языки шли парами, например, хинди — английский, вьетнамский — французский и т.д. И примечательно, что «восточники», как правило, в дальнейшем отлично владели западными языками. Ряд ведущих мидовских переводчиков английского языка прошлых лет вышли из «восточников».

Перебор с идеологией

Что раздражало во время учебы, то это явный перебор с идеологическими дисциплинами. Тот, кто усердствовал с их навязыванием, очевидно, полагал, что таким образом будут воспитаны более крепкие «бойцы идеологического фронта». Но на практике получилось обратное, что наглядно подтвердилось в нашей стране на рубеже восьмидесятых-девяностых годов. Ведь наиболее яростно, буквально с пеной у рта, тогда набросились на «коммунистическое прошлое» люди, ранее защищавшие диссертации по диалектическому материализму или научному коммунизму и годами преподававшие эти дисциплины, вроде ныне всеми уже забытого Бурбулиса.

Меня всегда отвращала фальшь, а сколько было фальшивых клятв в верности ленинизму, в заявлениях о необходимости «черпать силы в заветах вождя» и т.п. Помню, я откровенно оторопел, когда уважаемый мною, очень неглупый человек, в дни моей молодости посол в Индии, вдруг на партсобрании «разоткровенничался» о том, что он по вечерам «советуется с Ильичом». «Порою мучает тебя какой-то вопрос, — разглагольствовал он, — не знаешь, как поступить. А возьмешь томик Ленина, полистаешь его и найдешь ответ». Вот так они и «чистили себя под Лениным, чтобы плыть в революцию дальше». А куда все мы таким образом приплыли, известно.

Особое внимание при изучении идеологических дисциплин в институте отводилось заучиванию работ классиков марксизма, и прежде всего произведений В. И. Ленина. Один из моих приятелей, очень одаренный человек, который за все годы учебы в МГИМО ни по одному предмету не имел оценки иной, чем «отлично», но из-за своего постоянного фрондерства вошел в XXI век охранником в супермаркете, а затем вообще исчез с горизонта, разработал для этого весьма своеобразную систему. Основные тезисы каждой работы вождя были положены им на мотив какого-нибудь тогдашнего шлягера и поэтому очень легко запомнились. Например, «Очередные задачи советской власти» — «Мы Россию убедили, мы ее отвоевали, а теперь мы будем управлять» удачно легли на мелодию венгерского твиста «Я — пушистый маленький котенок». «Письмо к съезду» — «Троцкий не лоялен, Пятаков — тщеславен, а Бухарин — тот схоласт» — на мелодию “Yes, Sir, that’s my baby”. А статья «О придании законодательных функций Госплану» — «Пятаков, расскажи, что нам делать...» — на мелодию чешской песенки «Бабушка, научи танцевать чарльстон».

Вспоминаю примечательный эпизод. В 1963 году, как говорили, по прямому указанию Хрущёва в дополнение к курсам политэкономии и марксистской философии во всех высших учебных заведениях СССР ввели курс научного коммунизма. Думаю, кому-то из помощников Хрущё-

ва при поисках для его очередного доклада нужной цитаты из В. И. Ленина попала на глаза известная работа вождя «Три источника и три составных части марксизма». А в ней четко указывалось, что три источника марксизма включают немецкую классическую философию, английскую (буржуазную) политическую экономию и французский утопический социализм. Тут же задались вопросом, а почему в вузах страны изучают лишь политэкономия и марксистскую философию? Где научный коммунизм, тем более что на XXII съезде КПСС в 1961 году было провозглашено, что в нашей стране к 1981 году будет построен коммунизм. И ввели упомянутый курс.

Среди моих однокашников введение новой дисциплины было встречено без энтузиазма. Нас не нужно было агитировать за советскую власть, мы все были ее искренними сторонниками. Нам остро не хватало времени на изучение языков, истории, права, но нас обязывали тратить время на повторное заучивание марксистских истин, вполне освоенных нами годом ранее. Эта тема как-то сама собой вдруг всплыла на одном из комсомольских собраний, и кто-то предложил поставить на голосование вопрос об обращении в высокие инстанции об отмене курса научного коммунизма как явно излишнего. К счастью, товарищи с более богатым жизненным опытом убедили собрание спустить данный вопрос на тормозах. А то, возможно, нам всем пришлось бы посвятить себя в дальнейшем какой-то иной, чем международные отношения, деятельности.

Чему не учили

При обилии учебных часов на идеологические дисциплины нас, однако, не учили многому, что крайне важно для любого дипломатического работника в повседневной практике. Не учили тому, как написать краткий доклад о том или ином событии, который мог бы лечь в основу телеграммы посольства в Москву, не учили, как сделать запись беседы

с иностранным партнером, как готовить проекты выступлений послов, министров, главы правительства — от краткого тоста на банкете до речи в иностранном парламенте или на международной конференции. Не учили нотной переписке. Не учили риторике. Не учили держаться перед многочисленной аудиторией. Не учили приемам дискуссии с заведомым противником. Не учили тому, как правильно подобрать галстук или обувь к костюму, хотя в дипломатическом мире правило «встречать по одежке» куда более действенно, чем где-либо еще. Всему этому каждому из нас, кто пошел по дипломатической стезе, пришлось потом, уже на службе в посольстве или отделе МИД, учиться самим, зачастую методом проб и ошибок, набивая шишки и получая заслуженные, а чаще незаслуженные нагоняи от начальства.

Мне во многом повезло. Четко излагать мысли и факты я научился, когда еще с институтских времен писал заметки для Агентства печати «Новости» и зарубежного вещания Московского радио для того, чтобы заработать на поход в кафе с девушкой или приятелями. Мои тексты переводились на иностранные языки, поэтому нужно было писать очень простым языком — без деэпричастных оборотов и придаточных предложений. Уверенно держаться перед аудиторией меня научили секретарство в общественных организациях и работа переводчиком с делегациями на крупных мероприятиях.

Но такой опыт был не у всех. И поэтому мы до сих пор можем встретить сотрудников наших посольств и, что греха таить, послов, которые двух слов не могут сказать без бумажки, в ответ на каверзные вопросы иностранных интервьюеров несут косноязычную чушь, а при откровенных выпадах собеседников не то что в их личный адрес, а в адрес их страны лишь беспомощно разводят руками.

Чему и кого нужно учить

В наши дни прежние идеологические дисциплины из учебных программ и МГИМО, получившего сейчас статус

университета, и Дипломатической академии, естественно, убраны. Но ни курса риторики, ни курса этикета, ни, главное, курса по обучению студентов и слушателей искусству написания документов и речей в этих программах по-прежнему нет. Я говорил об этом и с ректором МГИМО, и с ректорами Дипломатической академии. Все соглашались с моими доводами, но воз и ныне там.

Мне также непонятно, кого сейчас готовят эти учебные заведения. Оба они официально входят в структуру МИД России, и в их названиях присутствуют соответствующие слова. Но сколько их выпускников идет на службу в МИД России или другие государственные учреждения? Особенно это касается тех, кто учится на платных отделениях. Студенческий билет в МГИМО стал чем-то вроде свидетельства принадлежности к «золотой молодежи», дополнения к ключам от джипа-«мерседеса» или БМВ, а то, бери выше, «порше» или «феррари». Коммерциализацию МГИМО и Дипакадемии объясняют тем, что, де, иначе им не выжить в обстановке якобы всеобщего безденежья. Но государство, а прежде всего руководство МИД России, должно определиться с тем, кого готовить в МГИМО — людей, которые будут нести знамя России за рубежом, или героев светской, а подчас и скандальной хроники.

Тем, кто намерен посвятить себя дипломатической работе, нужно давать больше практических навыков, а не чисто академических знаний. Поясню, что я имею в виду. Возьмем, например, известную телевизионную передачу «Умницы и умники», участники которой соревнуются в ответах на вопросы изощряющегося в самолюбовании ведущего, а победители конкурса автоматически становятся студентами МГИМО. Мне в целом импонируют все эти ребята, видно, что они действительно многое знают и из древней истории, и из литературы, и т.д. Но сами по себе такие знания еще отнюдь не подтверждают ни аналитических способностей человека, ни вообще его профессиональной пригодности к той же дипломатической деятельности. И участники передачи, прямо скажем, не столько умники, сколько просто хо-

дочие банки информации. Но гораздо больше информации можно при желании скачать сегодня из интернета. Что мне как послу от того, что мой подчиненный готов перечислить все подвиги Геракла или битвы Пунических войн, если он не способен без моего вмешательства отвалить назойливого просителя, срочно найти документы по таможенной статистике или определить порядок парковки автомашин гостей во время приема в посольстве?

Когда говорят о способах определения профессиональной пригодности сотрудника, мне на память всегда приходит эпизод из прочитанного в семидесятые годы романа американца С. Шелдона. Героиня произведения приходит в контору некоего нью-йоркского адвоката наниматься его секретаршей. В коридоре она видит примерно двадцать других претенденток, многие из которых выглядят очень эффектно, и уже начинает опасаться за свои шансы. Вдруг из кабинета выскакивает помощник адвоката и в отчаянии, ни к кому не обращаясь, кричит: «Ну где я ему возьму сейчас этот номер “Ньюсуика” двухмесячной давности?» Героиня молча спускается на первый этаж здания, заходит в расположенную там парикмахерскую (а в парикмахерских, она знает, всегда лежат старые журналы) и приносит помощнику адвоката искомый номер. Она была принята на работу немедленно.

При приеме в институт мы должны делать упор не на формальное знание абитуриентом тех или иных фактов, а выявлять его способность эти факты сопоставлять, анализировать, иными словами, его умение мыслить, в том числе находить выход из нестандартных ситуаций.

На факультете международных экономических отношений МГИМО рассказывают, что в очень давние времена, когда этот факультет был еще Институтом внешней торговли, на выпускной экзамен по валютно-финансовым операциям пришел А. И. Микоян, тогда министр этой самой внешней торговли. Отвечать выпало одному из отличников, которому достался билет с простым вопросом: «Вексель». Отличник уверенно затараторил: «Вексель — строго

установленная форма, удостоверяющая обязательство векселедателя... Передача прав по векселю происходит путем индоссамента...» «Хорошо, хорошо, — улыбаясь, прервал его А. И. Микоян с характерным армянским акцентом, — видно, что Вы это знаете. Напишите мне, пожалуйста, вексель». И тут отличник, как говорится, сел в лужу. Оказалось, что он в жизни никогда векселя не видел и ничего написать не мог. Естественно, после такого конфуза в присутствии самого министра «красного» диплома ему не досталось. Так вот, студентов на всех факультетах МГИМО нужно учить так, чтобы подобных ситуаций в жизни у них не возникало. А они, к сожалению, возникают сплошь и рядом.

И еще один важный, на мой взгляд, вопрос. Подготовка специалиста со знанием восточного языка — дело весьма дорогое. Поэтому, прежде чем принимать того или иного юношу или девушку для изучения такого языка, особенно если речь идет о странах с тяжелым климатом или заведомо непростыми бытовыми условиями, нужно откровенно предупредить их о том, с какими трудностями может быть сопряжена их предстоящая работа, проверить, насколько они к ней психологически готовы. А то и казенные деньги, и годы жизни этих людей могут быть просто потрачены впустую.

Вспоминаю такой случай. Когда я служил послом России в Союзе Мьянма, тамошнее правительство решило открыть Международный буддистский университет. Все посольства были проинформированы о том, что обучение будет бесплатным для иностранцев, которые могут использовать пребывание в университете для углубленного изучения бирманского языка. Я съездил в университет и скажу прямо: на меня произвели крайне благоприятное впечатление условия размещения студентов — комнаты на одного человека со всеми удобствами — туалетом, душем. Подумал: это бы все в общежитие МГИМО шестидесятых годов.

Но руководство университета предупредило, что распорядок дня, обязательный для всех студентов, независимо от пола, возраста и страны происхождения, весьма жесткий — как у буддистского монаха: подъем в пять утра, последняя

трапеза в полдень. Никаких самостоятельных приготовлений еды, никаких алкогольных напитков, даже пива.

Один из наших ведущих востоковедческих вузов заинтересовался предложением мьянманцев: у него давно не было возможности направить студентов в Мьянму на языковую практику. Будучи в отпуске в Москве, я зашел в этот вуз и предупредил, что нынешним российским студентам будет непросто принять ограничения внутреннего распорядка университета. Одна из дам-профессоров, своего рода ветеран Мьянмы, с уверенностью сказала: «Обойдутся. Когда мы в начале шестидесятых были в Бирме на практике, то у нас по общежитию змеи ползали, и ничего, привыкли». Через пару месяцев прибыли студенты — девочка-бутончик лет двадцати с голубенькими глазками и губками бантиком и примерно такой же юноша. Спустя неделю они пришли ко мне: «Можно мы поживем в посольстве? Хочется сходить на дискотеку, погулять. А на занятия будем ездить на автобусе». Отвечаю: «Но вам же рассказали о правилах режима. Жизнь вне университета для студентов исключается». Еще через пару недель оба студента, уже не заходя в посольство, улетели в Москву. Естественно, что ни в какую Мьянму они больше никогда не поедут, разве что не на работу, а на пляж при пятизвездном отеле. Так стоило ли тратить время преподавателей и деньги государства на то, чтобы обучать их бирманскому языку?

Теперь об оплате труда дипломатов. В последние годы многое сделано, чтобы повысить оклады, позволить сотрудникам российских заграничных учреждений достойно выглядеть перед иностранными коллегами, не экономить на спичках. Хотя и сейчас находятся люди, которые, несмотря на хорошую зарплату, предпочитают ходить за покупками в места, которые иначе как помойкой не назовешь. И такие люди, наверное, будут попадаться всегда, сколь высокой зарплату ни делай.

Проблема в другом. Высокие оклады — еще отнюдь не гарантия того, что ты подберешь на работу сведущих и нужных людей. Вспоминаю притчу о том, как в XVIII веке бри-

танская королева Анна соизволила посетить Гринвичскую обсерваторию и имела там продолжительную беседу с ее директором выдающимся астрономом Джеймсом Брадлеем. Говорили о звездах и открытиях, но в конце разговора речь зашла об оплате труда ученых. Астроном сообщил королеве, какое жалованье он получает. Та, в свою очередь, удивилась и предложила эту сумму увеличить в несколько раз, однако ее собеседник упал на колени: «Ваше величество, молю: не делайте этого! Иначе на мою должность будут назначать не астрономов!»

Эта притча весьма популярна среди ученых. Но, на мой взгляд, она имеет отношение ко всем сферам человеческой деятельности, где необходима преданность профессии, своего рода призвание. Дипломат — это не просто человек в костюме с галстуком, стоящий на приеме с бокалом виски. Это деятельный, образованный и любознательный человек, которому дорога его страна и интересна его служба. И даже в трудные девяностые годы, когда зарплата директора департамента МИД, не говоря уже о советнике или первом секретаре, была в разы меньше, чем у клерка в нефтегазовой структуре или у охранника казино, костяк сотрудников остался на дипломатической службе России. Остался, потому что не мог мириться со сползанием страны в ту внешнеполитическую трясиину, куда ее настойчиво толкало тогдашнее руководство.

О востоковедах

В России исторически очень сильно востоковедение. Еще Петр I в 1720 году издал указ об определении Коллегии иностранных дел, в которой значилась «экспедиция турецких и других восточных языков». Наше государство, расширяя свои границы на юг и восток, заботилось о том, чтобы готовить соответствующих экспертов для контактов с сопредельными странами. Всемирное признание получили русская тюркология, иранистика, афганистика, китайоведение, индология.